

Всеволод Шмаков. Фото Андрея Коровина, 2013

«Мир теплее, чем наши мысли о нём»

Сева позвонил мне (теперь уже в далеком 2008 году) и предложил встретиться, поговорить... Мой сын и его дочь Аня решили, что мы найдём, о чем поговорить друг с другом. Я опять уезжала. Надолго. Он дал мне тогда две свои книги — стихи и прозу. Рассказал о себе и о своей жизни: «Служу сторожем, работаю поэтом». У нас оказалось много общего и появилась возможность быть сопричастными судьбе друг друга.

А разговор с ним тогда длился и длился. Длится он и до сих пор, как длятся и не заканчиваются все наши диалоги с теми, кто знает и чувствует подлинную реальность... Это выражение он часто произносил: подлинная реальность. Настоящая, истинная, бесконечная... Его внимательная чуткая душа знала и слышала эту подлинную реальность. Он как-то пришел ко мне и сказал, что вспомнил моё настоящее имя. Оно пришло к нему из тонкого мира, и он получил знание о про-

шлых наших встречах. Сева звал меня с тех пор только этим именем. Человек энциклопедических знаний, удивительной душевной теплоты и особого дара: мой кот Монстрик жив до сих пор, исцелённый его тёплыми руками от безнадежной инфекционной болезни после того, как от страдающего котёнка отказались несколько ветеринарных заведений.

Улочки с маленькими домиками в районе Рогожинского посёлка, тихие тропы Платоновского леса, Долина Теплых Туманов, узкоколейка в районе РТИ и бункеры, ведущие в подземность... Мистическая ночная Тула... Зазеркалье... Дорога, которая осознаётся и проживается в согласии с собой и миром... Мы часто созванивались и гуляли вечерами. Иногда Сева приглашал нас в сторожку, где он тогда служил. Втроём (он, я и его дочь Аня) вели нескончаемые диалоги... За окном шёл снег, сторожку заметало, а Сева стоял и читал стихи о кладбище, которое отправилось погулять, о человеке, в котором ехал поезд, о доме, который качался на белых простынях, о бесконечном счастье в бесконечности. Я спрашивала его, не украдут ли то, что он сторожит. На это Сева невозмутимо отвечал, что он сторож, а не охранник, и ему всё равно. Он тогда брился наголо и напоминал буддистского монаха.

Сева много курил, у него были большие сосуды. Из-за них потом оторвался тромб, и произошёл инсульт. Он хромал и часто ходил с палочкой. Любил повторять, что у него мало времени осталось и надо работать. Ночами он писал стихи. Он говорил, что всю жизнь он пишет одно единственное стихотворение.

Его девиз: «Чистые слова, чистые мысли, чистые поступки»... Мистическая, таинственная Тула, события и люди описаны в его книге «Проводник по невыдуманному Зазеркалью» с пронзительной искренностью. Это не просто попытка жизнеописания своего старшего друга, Михаила Черноярцева, а скорее, по словам автора, «крик в сторону истины» без стремления чему-то учить и к чему-то призывать. Благодарные читатели озвучили эту книгу, а мысли автора разошлись на цитаты. В интернет-ресурсах есть отзывы на неё и ещё на повесть — повествование о происходящем прямо сейчас — «Иви». С далекого Алтая, Томска, Челябинска, Сочи пишут и просят рассказать об авторе и прототипах его героев. Интересуются, где в Туле расположена Долина Теплых Туманов. На берегу реки Упы? Да, недалеко от улицы Рязанской.

Сева любил Тулу невероятно, мог рассказывать часами о её древней, мистической составляющей. Во многом его стихи продолжают традиции В. Хлебникова, Е. Гуро, Г. Айги. Только это продолжение иное. Поэзия как метафиксация опыта просветления, сходная с восточными коанами, текстами для внутреннего настроя и работы. А невероятно чистый, отточенный, струящийся русский язык возвращает нас к традициям великой русской литературы. Незадолго до смерти Сева принёс мне свои рисунки — метафиксации (метафиксация — фиксация переживаемого в полноте и согласии с пространством движения собственной души, попытка выйти за грань искусства к чему-то всеобъемлющему) с написанными на них словами, изречениями. Я храню их до сих пор.

Рисунок Всеволода Шмакова «Ласточка»

Кто мы были друг другу? Наверное, мы были на пути к дружбе. Наверное, и сейчас на пути. Иногда он снится мне таким же внимательным и непредсказуемым. Например, в последнем своём сне Сева уходил из дома почему-то через балкон, а до этого лез по металлической лестнице всё выше и выше — куда-то в небо... Он верен себе и сейчас. «Куда ты идёшь, Сева, там высоко!» — хочется ему крикнуть. Но я понимаю вдруг, что лестница и высота есть внутри самого человека...

Он любил дарить книги... Я храню его «Дао де Цзин», хрестоматию древнегреческих философов Д. Лаэртского, стихи Ф. Песоа, Лествицу (Иоанна Лествичника). Хотя — нет... Лествицу он мне так и не подарил... Оставил себе.

Мама Севы, Алла Ивановна, нашла недавно среди рукописей его письмо к ней, написанное им незадолго до смерти. Там были строки «Мир теплее, чем наши мысли о нём».

Мне хочется верить, что та особенная нить, которую держали Ткач, Далыч и букетик-Миша (герои его книги «Проводник по невыдуманному Зазеркалью»), сохранится...

Татьяна Юркова — филолог, арт-терапевт, член Союза литераторов РФ

Защитный кокон

Я познакомился с Севой летом 1990 года. Тогда я учился в медицинском вузе и на каникулах приезжал в Тулу. Мы общались вечерами, гуляли по ночному городу. Нас интересовала философия и эзотерика, отчасти — поэзия: кубофутуристы, Хлебников. Это был любимый поэт Севы, мы много говорили тогда о нём.

Сева любил мистифицировать общение, и было интересно наблюдать, как он предлагал мне изменить жизнь в результате неких его действий. Например, предлагал мне выпить чай с магическим камнем. Он уверял, что после этого коренным образом изменится не только моя теперешняя жизнь, но и все последующие. Я спорил, потом соглашался. И пил этот чай. И жизнь менялась. Сева мог позвонить ночью и предложить отправиться в путешествие по подземной Туле через водопроводные коммуникации. Когда я соглашался, то он в последний момент отказывался, уверяя, что он-то сможет вернуться в защитный кокон, а я не смогу и погибну. Он рассказывал, что можно усилить творческий потенциал человека с помощью определенных действий, для этого только нужно создать искусственно экстремальные условия. Многие из этих экспериментов описаны в его книге «Проводник по невыдуманному Зазеркалью».

Однажды Сева пригласил меня в галерею «Ясная Поляна», где проходила выставка его работ совместно с другими художниками. Эти работы (из кусков досок, металла, картона и другого подручного материала), необычным образом меняющие пространство, назывались метафиксациями. Сева подарил мне несколько работ, и я отвёз их на кафедру психиатрии Рязанского медуниверситета, они много лет там висели. Метафиксация с той выставки «Совёнок и тишина» хранится у меня до сих пор.

На протяжении почти тридцати лет мы время от времени сближались, были периоды длительных пауз. Он предчувствовал свою смерть, повторяя: «Она у меня за левым плечом». Его поэму «Фиолетовая спираль», прозу о мистической Туле, о Долине Тёплых Туманов, о Черноморце — считаю лучшим, что он написал. Иногда вспоминаются его слова: «Поэт — это ткач пространства», «Беско-

нечное счастье в бесконечности». Сева было близко учение Пифагора и Сократа. Под его влиянием я купил в букинисте книгу Диогена Лаэртского о древнегреческих философах.

Могу предположить, что Сева действительно повлиял на мою жизнь.

Андрей Поливанов — врач-рентгенолог, поэт

Театральные эксперименты

Я смутно помню, но скорее всего это было так... Мы познакомились с Севой в 90-е годы. Он пришёл ко мне на спектакль по Даниилу Хармсу и Шекспиру «Мушеловка» в студенческий театр при Тульском госуниверситете. После спектакля, бывало, зрители задерживались на обсуждение увиденного — при данных обстоятельствах мы и познакомились. Выяснилось, что он и театром занимается, и литературой, и картины рисует. И начались наши совместные театральные эксперименты и дружба. Мы вместе проводили занятия в студенческом театре. Я считался условно «художественным руководителем», а он — «главным режиссёром».

Наши спектакли не были постановками в традиционном смысле, это были некие импровизированные действия: создавалась рамка для спонтанного проявления, и потом начинался спектакль... Так в действе «Осенняя модель мироздания, или Симфония Трагикон» использовалась система сигналов для участников: в микрофон за сценой произносились абсурдные реплики, но в них присутствовали некие «ключевые слова», на которые актёры должны были определённым образом реагировать, и тогда что-то менялось в ходе импровизации. Такая тренировка спонтанности... Действо было длиннейшее, состояло из множества импровизированных эпизодов. Например, была сценка, когда я был Голосом «Высшего Существа» и говорил в микрофон за кулисами, а Сева был на сцене и пытался с этим Высшим Существом общаться. Этот спектакль был направлен, в первую очередь, на внутренний процесс тех, кто участвовал. Мы тренировали способность к импровизированному поведению, когда твоё существование на сцене не основано на каких-то предварительно срепетированных мизансценах или на тексте драматурга, заранее выученном — просто выходишь и что-то выдаёшь... Что понимал в этот момент зритель, нам тогда было не очень важно, думали о других вещах.

Я в то время был студентом режиссёрского факультета Щукинского театрального училища. А генератором идей в студии был по большей части Сева. Он обладал продвинутыми сведениями в области эзотерики и пытался это как-то применить к театру. Устоявшуюся модель театра, которой я обучался на тот момент в «традиционном» театральном вузе, Сева критиковал. Я решил обучиться тогда и вот этому эзотерическому театру, мне это было интересно. Но в нашем спектакле вдруг обнаружились такие «авангардные изыски», что в результате нашу студию «пригласили» на выход из университета...

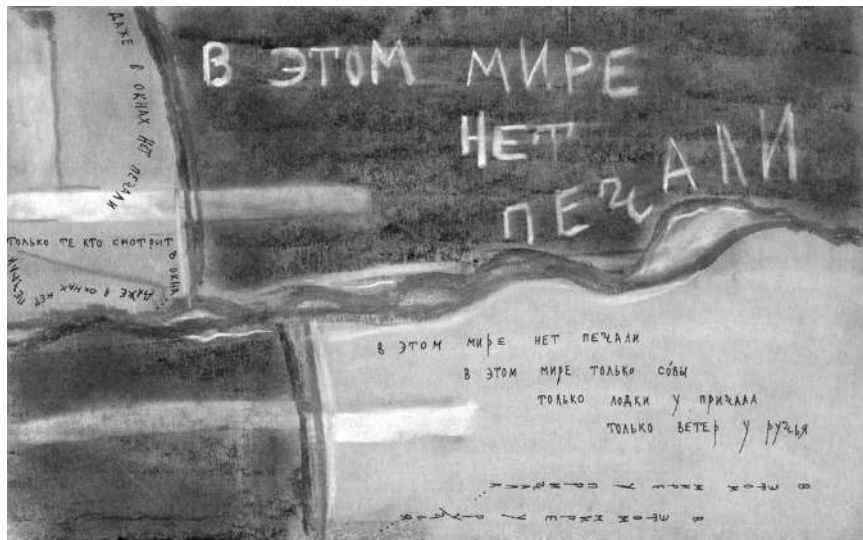

Рисунок Всеволода Шмакова «В этом мире нет печали»

Похожее авангардное действо Сева осуществлял и в изобразительном искусстве. Обычно художник в искусстве считает необходимым самоутвердиться, выразить некое своё видение. Сева же шел от обратного. Не от собственного «Я», а как бы от «Я» предметов, которые участвовали в композиции, вместе и наравне с красками... Возникавшие объекты получили названия «метафиксаций». Тут автор стремился идти не на поводу своей самости, воли к самоутверждению, а быть проводником воли предметов, которые как бы сами собой собираются в композицию, как им того хочется...

Сева вообще умел отнестись к собственной жизни как к процессу создания некоего произведения... То есть старался быть художником, который создает и трансформирует пространство своей жизни... Пересоздаёт себя... А это бывало связано с самоотстранением, самодистанцированием. Он как бы постоянно ощущал «условность реальности», возможность её трансформации. Обыденная реальность была для него «условностью». Ведь «нормальная» позиция художника — быть несколько в стороне от «произведения», в данном случае — жизни, чтобы иметь возможность как-то на это произведение воздействовать, его трансформировать. А тут полотном, сценой для импровизации является мироздание. Но есть за всем этим ещё некое закулисье — «истинная реальность», к которой имеет смысл прикоснуться, с ней сжиться. И вот это движение к истинному (а туда и должна быть в идеале вынесена позиция художника) путём дистанцирования от условного можно считать его основным посылом, авторской интенцией.

Андрей Галкин — руководитель Тульского отделения
Союза российских писателей, поэт, драматург